

Методологической особенностью планирования в различных вузах является широкое использование программно-целевого подхода. Иными словами, методология планирования предусматривает увязку цели и ресурсов таким образом, чтобы путем материального стимулирования достичь наивысшего экономического эффекта, являющегося основой расширения образовательного пространства вуза.

Дальнейшие исследования по широкому кругу вопросов организации образовательной деятельности вуза связаны с детальным рассмотрением системы экономического управления, в том числе маркетинга, организации труда, информационного обеспечения, обеспечения материальными ресурсами, социально-психологической поддержки. Авторы планируют продолжить публикацию соответствующих результатов и надеются на активность специалистов в обмене знаниями и опытом в данной области на страницах этого журнала.

УДК 37.01:26
ББК 434(2)01

О СООТНОШЕНИИ СВЕТСКОГО И РЕЛИГИОЗНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Н. Б. Костина

В последнее десятилетие в России значительно возросли масштабы религиозного образования. Если еще в 1970–80-е гг. религиозные учебные заведения, имевшие в СССР официальный статус, можно было, что называется, пересчитать «по пальцам», то сегодня их насчитываются сотни – от начального звена и до учреждений профессионального образования. Однако этот количественный рост не опирается на продуманную концепцию религиозного образования, последнее осуществляется во многом на основе простого воспроизводства традиционных форм взаимодействия систем светского и религиозного образования. С научных позиций проблема религиозного образования, взаимодействия его со светским вообще не изучается, хотя необходимость в этом давно назрела, поскольку решение вопроса об их оптимальном соответствии должно удовлетворять как представителей различных конфессий, так и атеистов. Проблема состоит в том, что в современных условиях простая реанимация традиционных форм их взаимодействия не может удовлетворить ни общество, ни самих верующих, новых же форм, по существу, не выработано. Необходимость поиска новых форм вытекает из особенностей современного общества, из общемировых тенденций современной религиозной жизни. Рассмотрим основные социальные детерминанты, приводящие к переосмыслению традиционных концептуальных оснований религиозного образования в России.

Прежде всего, отметим, что религиозное образование неотделимо от религиозной жизни, оно является важнейшим «каналом» распространения религиозных воззрений и способов религиозного действия. Это фундаментальная функция религиозного образования, и ею обусловлена его значимость в воспроизводстве религиозных представлений и форм религиозной жизни. Не случайно представители различных религиозных конфессий уделяют огромное внимание различным формам образования, а концептуальным принципом осуществления образовательного процесса представителями конкретных конфессий является провозглашение приоритетности приобщения к данной конфессии населения определенного региона.

Однако необходимо иметь в виду, что данные призывы игнорируют тенденции современного общества, важнейшей из которых является интернационализация социальной жизни, проявляющаяся в частичной интернационализации религиозных доктрин. Распространение последних теперь не ограничивается теми регионами, где они традиционно доминировали, а выходит за их пределы. Регионы, бывшие ранее монорелигиозными, становятся поликонфессиональными, происходит взаимопроникновение различных религиозных норм, ценностей, форм культовой практики. Все это в полной мере относится и к Уральскому региону. В условиях былой региональной монорелигиозности в религиозных образовательных учреждениях обучали единой системе официально признанных взглядов, норм, правил. В современном обществе принцип свободы совести предполагает существование нескольких систем религиозного образования и свободу выбора гражданином какой-либо из них.

По-новому взглянуть на религиозное образование заставляет и осознание изменения роли религии в современном обществе. В доиндустриальных обществах религиозное сознание было доминирующей формой сознания, что проявлялось в его различных светских функциях, прежде всего регулятивной. Оно оказывало регулятивное воздействие на сферу не только личной, но и производственной, социальной, политической жизни, на образование и научную деятельность, причем в доиндустриальных обществах и наука, и образование существовали и развивались в рамках религиозных организационных форм.

В индустриальных обществах с началом процесса секуляризации происходит отделение научной деятельности, а затем и образования, от религии, достаточно быстро развивается светское образование. Если в доиндустриальных обществах большинство людей получали основы научных знаний в различных религиозных учебных заведениях, то с развитием индустриальных обществ, в которых начинает доминировать научное сознание, ситуация меняется: религиозное образование уходит «на второй план», уступая место светскому. Знания, необходимые для производственной, политической и других видов деятельности, люди получают в соответствующих учебных заведениях, религиозным же учебным заведениям остается функция воспроизводства собственно религиозных знаний и распространение их среди верующих.

Необходимость получения фундаментальных научных знаний осознается как самими верующими, так и духовными иерархами разных уровней, которые ориентируют своих прихожан на получение хорошего светского образования. Это проявляется и в образовательных программах религиозных учебных заведений, в которые включено немало общеобразовательных дисциплин, изучаемых в светских учебных заведениях. В то же время руководителями последних осознается необходимость знакомства учащихся с миром религии, следствием чего становится появление в учебных планах и программах таких курсов, как «Религиоведение», «История религий», «Основы теории и истории религий». Знание религии для неверующих является способом понимания жизни верующих, условием нормального общения с ними. Если в обществе одни люди не знают взглядов других, не способны понять и уважать их, невозможны терпимость, сотрудничество, взаимопонимание, такое общество может породить только фанатизм и агрессию.

Однако осознание необходимости взаимодействия светского и религиозного образования пока осуществляется с точки зрения традиционного понимания их взаимосвязи. Так, отмечая глубокие качественные изменения в современной школе, обусловленные происходящими информационными процессами, и такие их негативные последствия, как разрушение традиционных связей между людьми, самоизоляция учащихся, погружение в сферу абстракций, православные иерархи считают, что преодолеть отрицательное влияние этих процессов можно на основе обращения к идеалам прошлого. Так, игумен Иоанн отмечает, что речь должна идти о возвращении к таким отношениям между учителем и учениками, которые были характерны для раннехристианской эпохи и могут стать основой будущей русской школы. Речь идет о личностном общении и передаче наставником личностного духовного опыта своим воспитанникам.

Само по себе личностное общение учителя с учениками можно только приветствовать. Возражение вызывает тезис о том, что передача личностного духовного, т.е. христианского в данном случае опыта рассматривается как основа школы будущего [1, с. 16]. Отмечается также, что православная церковь должна по-новому заявить о себе в духовно-образовательном аспекте. В действительности же это новое выглядит весьма традиционно. «Спастись в одной отдельно взятой общине или стране невозможно. В этой связи и мы должны глубже, основательнее, динамичнее выражать вселенский характер нашей Церкви. Христианство для всех – так можно сформировать на пороге нового тысячелетия проблему универсальности христианства как Богооткровенной религии...» [1, с. 20]. А как же тогда быть с иными церквями, которые также заявляют о своей особой роли в образовательном процессе? По существу, подобные претензии в таком поликонфессиональном государстве, как Россия, могут привести к борьбе конфессий, насилию над личностью, лишению ее свободы духовного самоопределения. В юридическом отношении это означает нарушение закона об отделении школы от церкви. Вряд ли можно признать корректными в свете многонациональности России и утверждения о русской

школе, вернее будет говорить о школе российской. Трудно согласиться и с позицией министра образования РФ В. М. Филиппова, который пишет: «Руководствуясь действующим законодательством, министерство...определило меры, обеспечивающие более полное удовлетворение религиозных потребностей верующих в классах и аудиториях государственных общеобразовательных и других учебных заведениях. В частности, расширены возможности организации – разумеется, вне обязательного школьного расписания и только для желающих – занятий, посвященных религиозному обучению и воспитанию» [2, с. 65]. Во-первых, вызывает сомнение, что обеспечение удовлетворения религиозных потребностей верующих в аудиториях государственных учебных заведений соответствует действующему законодательству. Во-вторых, трудно представить, как будет выглядеть это обеспечение в условиях российской поликонфессиональности. Думается, занятия для желающих по религиозному обучению вполне в состоянии организовать сами религиозные объединения в рамках работы воскресных школ, катехизаторских курсов и других организационных форм. Тем более, что сфера непрофессионального православного образования доступна сегодня многим верующим, поскольку представлена разнообразными учреждениями, среди которых можно назвать православные детские сады, православные школы и гимназии, воскресные школы при храмах, лектории, катехизаторские курсы.

Вряд ли можно согласиться и с высказываемой сегодня идеей приглашения православной церкви к участию в деятельности общественных организаций детей и молодежи. Тогда, соблюдая закон о свободе совести, следует пригласить к этому и другие официально признанные на территории России церкви. Не превратятся ли тогда детские и молодежные организации в полигон миссионерской деятельности проповедников различных конфессий? Безусловно, необходимость взаимодействия системы светского образования как с Православной, так и с другими церквями очевидна, вопрос состоит в поиске новых форм такого взаимодействия, позволяющих каждому человеку осуществить личностное самоопределение, не ущемляя при этом других.

Необходимость осмысления проблемы совместимости светского и религиозного образования в современных условиях связана также с тем, что научное знание и образование играют решающую роль в жизни людей. Нам представляется, что совместимость возможна, если сфера религиозного знания концентрируется на собственно религиозной практике, межличностном общении и самопознании, как это имеет место, например, в протестантизме. Естественно-научные, технические, гуманитарные знания носят интернациональный и интерконфессиональный характер, они являются общими для людей разных исповеданий. Религиозное же знание специфично, и представители каждой конфессии считают исключительно истинными свои представления. И светское, и религиозное знания получают конкретные субъекты, оба вида знания существуют в их сознании в единстве, что может вести к их столкновению.

Возрастание значимости светского образования ведет к радикальным изменениям организационных форм и методов религиозного образования.

С распространением всеобщей грамотности и научных знаний, появлением возможности получения образования практически всеми членами общества исчезает различие между клиром и мирянами с точки зрения приобщения к источникам, религиозным истинам и научной информации, которые становятся доступны рядовым верующим. Если ранее, в доиндустриальных обществах, у клириков была монополия на знание и его трансляцию, на истину, что же остается им теперь? Всеобщая грамотность и доступность информации обесмысливает некоторые формы трансляции религиозного знания в их традиционном варианте. Зачем слушать проповеди и истолкования Священного Писания, если можно взять книгу и прочесть ее? Именно из этой реальной ситуации выросла в протестантизме идея всеобщего священства. В ее светском варианте эта идея может быть истолкована как изменение соотношения, при усвоении религиозных представлений, между образованием и самообразованием. Современный верующий в силу своего достаточно приличного уровня образования, умений и навыков работы с информацией уже не так сильно нуждается в учителе, преподающем ему «слово Божие», потому что в состоянии освоить его самостоятельно. В таком случае, духовный учитель, священник выполняет функцию не столько транслятора знаний, сколько духовного воспитателя. Соотношение обучения и воспитания в религиозном образовании – проблема, заслуживающая особого внимания.

Религиозное образование выступает не только как передача знаний и образцов поведения, но предполагает трансформацию их в убеждения, трансляцию определенного мироощущения, формирование веры в бога, бессмертие и т.п. Все знания преподносятся как истины в последней инстанции, что обусловлено спецификой религий откровения. Так как религиозные догматы и принципы – результат божественного откровения, они не могут быть поставлены под сомнение и должны не столько доказываться и обосновываться, сколько приниматься на веру.

В эпоху доминирования в обществе религиозного мировоззрения религия давала и определенную картину мира, знание о социальной и природной реальности также освящалось авторитетом бога, поэтому считалось незыблемым и не нуждающимся в развитии. Возникавшие между религиозным и научным знанием противоречия разрешались при помощи теории двойственной истины. Начиная с Нового времени, под бурным натиском развивающейся науки, сужается значимость религиозного образования в формировании и трансляции картины мира. Уступая науке, такие области познания как природа и общество, религия оставляет за собой область антропологическую, концентрируя свое внимание на проблемах смысла человеческого бытия, предназначения и счастья человека, его совершенствования, добра и зла и т.п.

В указанных сферах познания наблюдается различная динамика. Если в развитии естественно-научного знания очевиден прогресс, и никто сегодня всерьез не будет отстаивать истинность геоцентрической аристотелевской модели мира, когда-то признанной христианской церковью и освященной авторитетом бога, то это не относится к антропологическим вопросам. Коль скоро

человек верит в загробную жизнь и ожидает ее наступления, для него важна не только характеристика загробной жизни. Содержание ее было изложено в Священном Писании, и добавить к нему что-либо достаточно сложно. Однако вера в наступление загробной жизни нуждается в постоянном укреплении, поскольку возникают и существуют иные системы ценностей, их носители живут рядом с верующими. В связи с этим усиливается необходимость религиозного воспитания средствами обучения. Об этом свидетельствует и понимание задач образования самими религиозными деятелями. Так, А. И. Осипов рассматривает в качестве цели православного образования формирование определенного типа личности, воссоздание в падшем человеке образа Божия. Задачи образования православные иерархи выводят из термина «образ». На это обращал внимание и глава Русской православной церкви, Святейший патриарх Алексий II в выступлении на общем собрании Российской академии образования. «Образовать человека – означает не просто передать ему некую сумму знаний, но и выявить в нем определенный образ. Христианский взгляд на человека видит в нем образ Божий. Во многих людях он замутнен и затемнен грехами, но до конца не уничтожен, поэтому задача духовного преображения человека, которой служит Церковь, сродни задаче реставраторов икон: темный лик надо очистить от наслоений и явить миру изначальную красоту и слияние красок и линий, гармонию лика» [1, с. 18].

Несмотря на жизненную важность для человечества развитой экономики, передовой технологии, фундаментальной науки, все они не могут обеспечить спасения; последнее возможно только через веру в Бога. Доминирование воспитательной функции религиозного образования определяет формирование необходимых качеств у педагогов – проповедников. Они должны быть не просто передатчиками знаний, а прежде всего – примером определенного способа деятельности, а также пропагандировать такой образ жизни, который вели, прежде всего, пророки и святые. Таким образом, передается не только информация, но также и образ жизни, образ мысли и чувств, способ отношения к людям, земному и потустороннему мирам, формируются убеждения, основанные на вере. В этом просматривается сходство религиозного образования с распространением тоталитарных идеологий. Преподавание последних также имеет целью превращение знаний в убеждения, рассмотрение пропагандируемой теории как единственно истинной, дающей ответы на все, без исключения, вопросы человеческого бытия. Преподаватель же должен являть собой человека, не сомневающегося в излагаемых истинах, а в своем поведении быть примером для подражания.

Процесс секуляризации заставляет, на наш взгляд, переосмыслить роль религии в обществе и в жизни человека, он свидетельствует не об ослаблении религии, а о новых попытках ее самоопределения, о том, что она удовлетворяет не всякие потребности людей, а те, которые связаны с достижением вечной жизни. Все ее остальные функции подчиняются главной.

Тенденция изменения роли религии по отношению к другим сферам общественной жизни, проявляющаяся в значительном уменьшении ее детер-

минирующего влияния, делает религиозное образование особенно важным в рамках самой религии. Если ранее существование и распространение религиозных идей и ценностей опиралось не только на собственный авторитет, но и на авторитет и силу государства и других институциональных образований, то сегодня главным, а подчас и единственно возможным средством воспроизводства религии становится религиозное образование.

Будучи одним из видов образования, религиозное образование обладает чертами и функциями, свойственными любому виду образования: передача знаний от одних людей к другим, односторонняя и специализированная коммуникация, нацеленность, прежде всего, на воспроизводство воспринимаемого знания, его институционализация. В то же время религиозное образование – весьма специфический вид образования, и его особенности обусловлены спецификой религиозной веры и религиозной деятельности.

Особенностью светского образования является динамизм, особенно ярко эта черта выявилась в XX веке, и обусловлена она стремительными темпами увеличения объема информации. Вследствие этого для современного человека необходимостью становится непрерывное образование, без этого невозможна нормальная социализация. Для религиозного образования динамизм нехарактерен, так как передаваемый в процессе обучения объем информации относительно стабилен. С точки зрения теологических концепций откровения (иудаизм, христианство, ислам), люди получают религиозные истины непосредственно от бога через избранных им пророков. Совокупность принципов и догматов учения освящена авторитетом бога, и поэтому задача верующих – лишь усвоить их, не подвергая сомнению. Все новое, что может быть внесено людьми в эти идеи – лишь их истолкование, разъяснение для более глубокого усвоения. Если светское образование обращает человека к новым источникам информации, то религиозное – к одним и тем же, целью его является не получение новой информации, а укрепление в вере.

Современное светское образование становится все более специализированным, причем специализация начинается уже на этапе получения общего образования. Ограниченность передаваемой в процессе религиозного обучения информации делает специализацию ненужной. Более того, желательным является усвоение каждым верующим всех положений и сторон данного вероучения.

Характерной чертой светского образования является применение различных инновационных методов, большую роль в нем играет принцип сомнения. Ученик не должен принимать информацию только на веру, просто запоминать и воспроизводить ее, задача учителя – научить ученика творческому освоению информации, в том числе и на основе сомнения. Там, где нет сомнения, не может быть науки, а без науки – современного образования. Обучение религии по-прежнему опирается на традиционный метод усвоения передаваемой и разъясняемой наставником информации, в основе которого лежит вера в авторитет учителя.

Перспективы религиозного образования определяются перспективами существования самой религии. Признание непреходящего существования религиозного мировоззрения влечет за собой и понимание необходимости изучения важнейшего способа его воспроизводства и трансляции. В нашем обществе в течение почти столетия господствовала марксистская позиция объяснения сущности и перспектив существования религии, суть которой заключается в следующем. Религия рассматривается как фантастическое отражение в человеческом сознании сил, господствующих над человеком в социальной жизни. Какие же это силы? Это, прежде всего, вещи и отношения, вышедшие из-под контроля людей и живущие как бы своей жизнью. Человек желает одного, а на деле получается совсем другое, желаемое и действительное не совпадают. Объяснения этому факту давались разные, если Г. В.Ф. Гегель видел причины такого разлада в «хитрости мирового разума», то К. Маркс – в разделении труда, порождающем частную собственность, отчуждение человека от последней. Из этого следует, что там, где нет разделения труда, нет и религии. Разделения труда не было в первобытном обществе, поэтому последовательные марксисты вынуждены были отрицать понимание мифологии как религии, так как мифология существовала тогда, когда разделение труда еще не оформилось. Поскольку среди сторонников этой позиции существовало убеждение, что в будущем разделение труда будет уничтожено, они понимали религию как преходящую форму сознания, которая отомрет в коммунистическом обществе.

Если принять во внимание, что разделение труда относится к сфере, называемой в марксизме общественным бытием, а религия – к формам общественного сознания, то получим марксистскую формулу: религиозное сознание отражает общественное бытие, но неадекватно. И хотя эта теория проработана достаточно последовательно, в ней есть слабые места, не осознанные ни ее создателями, ни их последователями. Не обосновано, и, вместе с тем, мистифицировано одно из главных положений марксизма: религиозное сознание есть отражение общественного бытия. Дело в том, что религиозное сознание является ценностным, оно создает образы не того, что есть, а того, что должно быть.

Марксизм отнес религию к теоретическому сознанию, однако многочисленные факты заставляют признать верной иную точку зрения: религиозное сознание – вид ценностного сознания. Религии нет необходимости описывать существующий социальный мир в фантастической форме, более того, она представляет его весьма трезво, как мир юдоли, скорби, несправедливости, смерти, труда. Человек в этом мире слаб, его подстерегает множество опасностей. Неприятие этого постстороннего мира и создает у верующих желание дополнить несовершенный мир совершенным, мир, безразличный к человеку, заботливым к нему. А так как такого мира в реальности не встречается, его измышляют и помещают над нашим миром. При этом сверхъестественное – это абсолютизированное естественное. Что может быть для человека естественнее, чем духовная жизнь? Но если мыслить дух как существующий без тела, то это будет уже сверхъестественным. В этом и проявляется влияние мира, в котором

живет человек, на возникновение религиозных представлений. Даже в своих самых дерзновенных фантазиях он использует то, что есть в этом, попростороннем мире, и не удивительно, что в божественных мирах мы встречаем черты, присущие нашему реальному миру.

Обращение к религии каждого конкретного человека обусловлено не столько условиями его жизни, сколько особенностями его мироощущения. Человек верующий чувствует несколько иначе, чем неверующий, он сталкивается с такой жизненной реальностью, которая для других людей не существует. Например, человеку хочется жить вечно, или реальный мир вызывает у него отвращение. Причем такое мироощущение возникает совершенно независимо от воли человека, он не может его отбросить, забыть. Можно сказать, что желание – это отец мысли, и желания, подобные вышеназванным, толкают к созданию соответствующих картин мира.

Изучение опыта религиозной жизни позволяет сделать, на наш взгляд, вывод о том, что главной причиной возникновения религиозных переживаний является конечность человеческого бытия, что желание вечной жизни – одно из наиболее распространенных переживаний. Страх смерти – естественное чувство, но его преувеличение порождает эффект желания вечной жизни. Именно люди с подобными гипертрофированными желаниями и становятся религиозными, создают картины мира, соответствующие их мироощущению. Даже если не принуждать человека к вере административными мерами, если не приобщить его к религиозным воззрениям тогда, когда он еще не способен осознавать себя, это не означает смерти религии, просто численность верующих приблизится к своим естественным границам.

Поэтому религиозные люди будут существовать всегда, однако различные факторы – и условия жизни, а также миссионерская деятельность религиозных объединений – могут увеличивать численность верующих за счет тех, кто приобщается к вере либо под влиянием авторитета других людей, прежде всего миссионеров-проповедников, либо в надежде решить какие-то свои проблемы. Подавляющая часть верующих приобщается к той или иной системе религиозных взглядов в результате: 1) «заражения» верой под влиянием проповедников, полагаясь на их авторитет; 2) религиозного воспитания с детства, когда с раннего возраста человек «окунается» в чувства, представления и действия, способствующие формированию религиозной веры и усвоению религиозного знания. И то, и другое является, по сути, составляющими религиозного образования, его способами.

Итак, в современном обществе существуют религиозные системы и особые мироощущения, которые человек не выбирает. Когда эти две составляющие «сталкиваются» и взаимодействуют, возникает феномен религиозного человека. Условия жизни оказывают при этом опосредованное влияние, преломляясь через мироощущение человека. Есть такие желания и потребности, которые вообще нельзя удовлетворить реальными средствами, прежде всего, это – желание вечной жизни, но оно – лишь основа религии, ее возможность. Чтобы появилась вера, необходима еще и определенная оценка: а именно, что

вечная жизнь – это реальная возможность. Только такая оценка превращает грезу в веру, мечту – в факт сознания субъекта, которому приписывается реальное существование. Стремление к вечной жизни и вера в ее возможность, а также ряд других иррациональных чувств являются основой возникновения и существования религии, а поскольку признано существование потусторонних сил, то в последующем человек начинает надеяться на помощь бога и в земной жизни.

Но религиозные конфессии – не абстрактные конструкции, которые пребывают вне людей и «ждут», когда к ним кто-то обратится и приобщится. Местом их обитания являются конкретные религиозные общности, объединяющие единоверцев, убежденных в абсолютной истинности своих верований и считающих своим долгом приобщить к идеям других людей, «заблудившихся», еще не нашедших истины. Средством же трансляции религиозных доктрин, норм, ценностей и форм практической деятельности выступает, как уже отмечалось, религиозное образование. В истории изменяются его формы и значимость, но остаются его сущность и специфика, обусловленные особенностями транслируемых воззрений.

Литература

1. Игумен Иоанн (Экономцев). Православное образование в России: традиции и развитие, уроки и перспективы // Педагогика. 1999. № 4.
2. Филиппов В. М. Гуманистическая роль образования: православие и воспитание // Педагогика. 1999. № 3.
3. Осипов А. И. Образование и духовность // Православный христианин. 1998. № 8.

УДК 37.02:14
ББК 431.0

ПРОЕКТИРОВАНИЕ И ИННОВАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ОБРАЗОВАНИИ

И. Г. Шендрик

Еще в 1978 г. в докладе Римского клуба было указано на существование двух стратегий в функционировании и развитии образования: инновационной и традиционной [2]. Отмечалась неадекватность принципов традиционного обучения требованиям современного общества к личности, к развитию ее познавательных возможностей. Инновационное обучение трактовалось как ориентация на формирование готовности личности к быстро наступающим переменам в обществе, к неопределенному будущему за счет развития способностей к творчеству и сотрудничеству.